

## МЕНЯЮЩАЯСЯ КОНЦЕПЦИЯ СУВЕРЕНИТЕТА

*Новоселов Сергей Вениаминович*, кандидат исторических наук, доцент

Астраханский государственный университет  
414056, Российская Федерация, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а  
E-mail: seveno@rambler.ru

Суверенитет в политической науке обычно определяется как важнейший признак государства в виде его полной самостоятельности в рамках определенной территории, то есть его верховенства во внутренней политике, а также в виде его независимости во внешней политике. Концепт суверенитета прошел долгий путь развития и к настоящему времени превратился из узкого понятия, направленного на обоснование верховной власти монарха на определенной территории, в достаточно богатую по своему смыслу категорию политической науки и международного права. В статье рассматриваются вопросы эволюции понятия «суверенитет». На современном этапе развития этого концепта, несмотря на ряд расхождений, практически все представители основных парадигм политической теории считают суверенитет одной из основных категорий современных международных отношений, которая имеет характер основополагающей нормы.

**Ключевые слова:** государство, глобализация, новый мировой порядок, эрозия суверенитета, равноправие государств, власть, международные отношения, международное общество, мировая политика, политическая теория

## CHANGING THE CONCEPT OF SOVEREIGNTY

*Novoselov Sergey V.*, Ph.D. (History), Associate Professor

Astrakhan State University  
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russian Federation  
E-mail: seveno@rambler.ru

Sovereignty in political science is usually defined as the most important feature of the state in the form of its full independence within a certain area, that is, its supremacy in domestic politics, as well as its independence in foreign policy. The concept of sovereignty has come a long way of development and to date has evolved from a narrow concept, aimed at support of the supreme power of the monarch in a certain area, in a sufficiently rich in meaning category of political science and international law. This article discusses the evolution of the concept of "sovereignty". At the present stage of development of this concept, despite some differences, almost all representatives of the main paradigms of political theory, sovereignty is considered one of the main categories of contemporary international relations, which has the character of the fundamental norm.

**Keywords:** state, globalization, new world order, erosion of sovereignty, equality of states, government, international relations, international society, world politics, political theory

Суверенитет в политической науке обычно определяется как важнейший признак государства в виде его полной самостоятельности в рамках определенной территории, то есть его верховенства во внутренней политике, а также в виде его независимости во внешней политике.

Этимологически слово «суверенитет» означает «высшая власть» [6, с. 84]. Само же понятие суверенитета впервые ввел в 1576 г. французский юрист Жан Боден, который дал определение суверенитета как абсолютной и неизменной власти монарха на господство в своем королевстве, но впоследствии полнота власти на определенной, четко обозначенной территории была гарантирована Вестфальскими договорами 1648 г. С тех пор суверенитет получил вполне определенную «привязку» к территории, которая сохраняется до сих пор. Т. Гоббс отмечает, что власть суверена не абсолютна, она не распространяется за пределы государства, где правит суверен. В сфере

международных отношений суверены находятся между собой в естественном состоянии «войны всех против всех» [2, с. 127].

В системе международных отношений принципы суверенности государств постепенно получили всеевропейское, а затем всемирное признание. При этом с точки зрения международного права подразумевалось, что все суверенные государства имеют равный статус. Государства в современном мире действуют по принципу равенства независимо от их социально-политического строя, уровня экономического и культурного развития, военного могущества, размеров территории, численности населения и прочих условий.

Положения о суверенном равенстве государств и праве наций на самоопределение включены в Устав ООН и в некоторые другие международные соглашения. [8, с. 161]. Так, в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 30 июля – 1 августа 1975 г.) сформулирован принцип суверенного равенства, взаимного уважения прав, вытекающих из суверенитета. В IV «принципе территориальной целостности государств» четко сказано, что государства – участники будут воздерживаться от военного вторжения на территорию другого государства. Наряду с прямыми действиями, направленными на оккупацию чужих территорий, защищаются косвенные меры, применение силы. Чтобы не допустить нарушения IV принципа, государства – участники приняли предыдущий III принцип нерушимости границ, отказа от любых посягательств, требований, направленных на захват и узурпацию части или всей территории любого государства – участника. Было отмечено, что границы государств могут изменяться лишь в соответствии с решением высшей законодательной власти каждого государства. Кроме того, государства – участники Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе обязались воздерживаться от любого акта военного или политического, экономического или другого вида вмешательства, направленного на стабилизацию возникающих конфликтов. [1, с. 23]

В принятой XXV Сессией Генеральной Ассамблеи ООН Декларации о принципах международного права, касающиеся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г., сказано: «Все государства пользуются суверенным равенством. Они имеют одинаковые права и обязанности и являются равноправными членами международного сообщества независимо от различий экономического, социального, политического и иного характера». [4, с. 13–14]

Суверенитет на протяжении четырех столетий оставался на практике основополагающим принципом международной политики. Но суверенитет нельзя понимать как нечто застывшее и неизменное. Наоборот, его содержание постоянно менялось и продолжает меняться в связи с изменениями международных отношений, характеристик самих государств, даже сложностью определения самих понятий - суверенитет и государство [5].

Поэтому, в политической науке постепенно осознается, что в конце XX и начале XXI вв. в области трактовки суверенитета появились новые аспекты, особенно в контексте обсуждения проблем глобализации, которая сопровождается тенденцией к эрозии государственного суверенитета и нового мирового порядка [3, с. 87]. Создавая контуры нового порядка, глобализация одновременно ломает старый, работающий в рамках государственных систем порядок

Поэтому необходимы переосмысление и переоценка понятия «суверенитет» в связи с возникновением мирового политического сообщества, уточнением пределов частных суверенитетов, принципов их сочетания друг с другом и построения их иерархии, с учетом действий различных субъектов: ТНК, негосударственных организаций, многонациональных структур, а также развития различных глобальных идеологий, например глобального гражданского общества.

В современную эпоху становится все яснее, что Вестфальская система с ее принципами международных отношений существенно изменилась. Также важно указать, что абсолютного суверенитета в современном мире, где любое государство функционирует

в условиях существенных внутренних и внешних ограничений и обязательств, где процессы глобализации влекут за собой перераспределение ресурсов власти от правительств к иным субъектам мировой политики (ТНК, НПО и др.), быть не может. Объем внутреннего суверенитета сильно сузился юридически за счет международных договоренностей, в том числе в вопросах прав человека и еще больше – фактически в связи с уже сложившимися моделями и традициями поведения государств.

Одним из главных вопросов современной политики мирового сообщества последних десятилетий – активизация политических дебатов вокруг положения о безусловном «вестфальском» суверенитете государств. В рамках научных дискуссий циркулируют вопросы о возможности внешнего воздействия на внутривнутриполитические ситуации в тех или иных странах, его целях, средствах, пределах и тому подобное.

В контексте последних событий вокруг Украины западные представители экспертного сообщества довольно часто критикуют Россию за нарушение международного права. Из подобных интерпретаций следует, что Россия не просто нанесла неспровоцированный удар по соседней стране, но и подорвала краеугольные принципы мировой политики: равенства всех государств, их территориальной целостности и невмешательства извне во внутренние дела. Был попран и институт суверенитета.

Рисуемая ими картина весьма драматична, но далека от реальности. Если бы проблема заключалась только в поведении России на международной арене – это было бы еще полбеды. Серьезный вызов концепции суверенитета в том виде, как она закреплена в Уставе ООН, бросила серия «гуманитарных интервенций» 1990-х и начала 2000-х гг., инициированных главным образом США. Именно действия западных стран и их элит создали ситуацию, когда нарушение суверенитета и вмешательство во внутренние дела уже невозможно рассматривать как нечто чрезвычайное.

Но сомнительными представляются и утверждения о том, что суверенитет государств является неким рудиментом старой, постепенно подвергающейся все более серьезной политической и правовой эрозии Вестфальской системы организации международных отношений, что «традиционные концепции суверенитета» якобы оказались неспособны отразить всю сложность современных международных отношений.

И когда мы сталкиваемся с утверждениями о несовместимости «устаревшего» суверенитета и гуманитарных принципов современного мироустройства, как здесь не вспомнить мнение одного из отцов-основателей теории международных отношений Э. Карра: «Неуместность государственного суверенитета – идеология доминирующих держав, которые рассматривают суверенитет других стран как препятствие для использования своего собственного преобладающего положения» [9, с. 18].

В данном случае речь идет не только и не столько о теоретических спорах, сколько о вполне практических делах. Роль интерпретатора и законодателя принципов и институтов пытается взять на себя ограниченная группа государств Запада, стремясь создать прецедент, закрепить за собой право на подобного рода интервенции в любое время, в любой точке земного шара. Что собственно, и становится эквивалентом права сильного и проявлением лидерства в условиях современной мировой политики. На наших глазах происходит манипулирование международным правовым признанием, угрозой гуманитарной интервенции для достижения практических целей и интересов определенных государств.

Параллельно следует целая серия попыток по пересмотру принципов и норм международного права в нужном сторонникам «гуманитарных интервенций» направлении в виде предложений по изменению Устава ООН в той его части, которая утверждает соблюдение суверенитета государств в качестве одного из ведущих принципов международного права и невмешательства во внутренние дела.

Одновременно современное межгосударственное соперничество ограничено структурой признанных международными нормами суверенных прав. Суверенитет представляется «несущей конструкцией» мировой политики, выполняющей важную

функцию минимизации межгосударственного насилия. Попытки подорвать значимость этого одного института чреваты неуправляемым хаосом.

В мировой политике в обозримой перспективе сохранится противоборство двух разнонаправленных тенденций: к укреплению суверенитета, с одной стороны, и к его ограничению – с другой. Притом, что эти тенденции нередко будут воплощаться в политике одного государства или группы государств (укрепление собственного суверенитета ведущих мировых держав будет соседствовать с попытками ограничения суверенитета других). А противоречие между тенденциями к суверенизации и десуверенизации государств станет перманентным источником международной напряженности.

Новые трактовки и высокая эластичность в интерпретации понятия суверенитет были во многом связаны со спецификой ситуации в международных отношениях конца XX – начала XXI в.

Период после окончания «холодной войны» был по-своему уникален. Прежде всего, на протяжении почти двух десятилетий никем не оспаривалось глобальное лидерство США. Попытки закрепления американского доминирования в мировых политических и экономических процессах, в принятии ключевых решений глобального масштаба рассматривались в этом контексте как обоснованные, а американское политическое лидерство – как *de facto* вполне легитимное.

Еще в ходе биполярного противостояния США приняли активное участие в создании системы международных норм, которая служила бы их интересам, поддерживала и развивала продвигаемые ими ценности. К моменту падения Берлинской стены США добились невероятного успеха в легитимации и институционализации собственных притязаний на власть и влияние – прежде всего, за счет подтверждения жизнеспособности собственной модели политической и экономической организации. Продвигаемую США либеральную модель, включавшую свободную рыночную экономику и развитие демократических институтов, другие государства мира принимали прежде всего потому, что и политические элиты, и широкая общественность в соответствующих странах считали ее наиболее эффективной.

Либеральная идеология стала доминирующей. В соответствии с этим утверждалось, что либерализация необходима для обеспечения всеобщего мира и безопасности и может быть достигнута в самых разных странах мира. Кроме того, также утверждалось и то, что нелиберальные государства в большей мере склонны проявлять агрессию и пытаться наращивать военную мощь. Напротив, либеральные режимы более миролюбивы. Соответственно, уровень угрозы в международных отношениях зависит от соотношения либеральных и нелиберальных режимов.

В этом контексте смена режима, «распространение демократии» становилась уже не очевидным нарушением международного права, суверенитета и вмешательством во внутренние дела других стран, а вполне оправданной обстоятельством, гуманной и одновременно наиболее рациональной стратегией достижения глобальной стабильности и безопасности человека. Равно как и инструментом обеспечения собственной безопасности и собственного морального и политического лидерства со стороны старых либеральных демократий. При этом, создавая более мирную и кооперативную международную среду, либералы предпочитали сосредоточить внимание на проблемах экономической взаимозависимости и роли международных институтов, активно акцентировали внимание на положении о том, что либерализм универсален, применим вне зависимости от национальных и культурных различий.

Рассматривая историю международных отношений можно увидеть, что страны-лидеры в самые разные эпохи неизменно выступали с инициативами по формулированию и формированию комплекса ценностей и норм поведения на международной арене. Подобные действия объясняются довольно просто. Политика лидирующей державы, не обладающей достаточной легитимностью, неизбежно сталкивается с сопротивлением,

а продвижение собственных интересов в таких условиях возможно, но требует дополнительных ресурсов и усилий. Степень взаимного доверия основных политических субъектов на мировой арене в подобном контексте обычно колеблется на уровне очень низких значений. А лидерство, не опирающееся на международную легитимность, оказывается слишком обременительным делом.

По мнению западных экспертов, для того, чтобы снизить уровень издержек на осуществление лидерства, необходимо продвижение общих норм и ценностей, которые смогут привести не только к поддержке проводимого лидирующей державой политической линии, но и собственно легитимировать ее преобладающее положение. В этом смысле трансформация старых и формирование новых международных ценностей, норм и режимов может иметь для лидирующей державы принципиальное значение, обеспечивая необходимую международную поддержку и гарантируя тем самым эффективность проекции собственных мощи и влияния. Однако при этом доминирующие державы не должны сами избегать определенных ограничений собственной активности посредством решений международных институтов, следования принятым нормам и правилам. Вот этой способности к самоограничению западные страны и, прежде всего США, проявить не смогли.

В результате, в период «однополярного момента» стало труднее создавать и поддерживать международные режимы в сфере безопасности, контроля различных пространств (космоса, Арктики и так далее), соблюдения экологических норм. Двойные стандарты в конкретной ситуации или в соответствии с имеющимся прецедентом, стали частью внешней политики США и их ближайших союзников. Было бы не вполне справедливо утверждать, что только эти страны являлись конструкторами нормативной неопределенности. Произвольное конструирование норм единоличным мировым лидером до последнего времени устраивало и целый ряд средних и даже малых стран, которые в этих условиях получали возможность выбора кратковременных или долговременных коалиций в целях укрепления своих региональных политических и/или глобальных экономических позиций. Это обстоятельство обеспечивало системе определенную устойчивость.

Вместе с тем продвижение демократических норм и ценностей, насыщение гуманистической и гуманитарной риторикой современного политического дискурса вызывало немало вопросов, поскольку сопровождалась активными попытками размытия ключевых норм международного права, введением в оборот понятий «ограниченного суверенитета», «смены режимов», «гуманитарных интервенций» и так далее.

В рамках четко проявившейся к началу XXI в. «однополярности» страны Запада пыгались играть роль авангарда, насаждающие (в том числе принудительно) свои ценности и институты (рынок, права человека, демократию) на другие общества. Эти общества, в различной степени, были готовы оказать этому сопротивление и, как ни парадоксально, ныне отстаивают совокупность институтов и норм, навязанных им Западом ранее.

В этом смысле система международных отношений по-прежнему являет собой картину центр-периферийных связей, в которых роль генератора и распространителя новых ценностей и норм принадлежит исключительно странам Запада.

Проявившаяся в последние полтора десятилетия склонность США к простым (как правило, силовым) решениям международных проблем становится частью американского политического дискурса. И хотя именно американцы ввели в оборот понятия «мягкой» и «умной» силы, это отнюдь не предполагает отказа США от приверженности традиционному инструментарию жесткой силы. Вашингтон продолжает проводить политику, основанную на поддержании глобального военного присутствия, проецировании своего влияния в ключевых регионах мира.

Однако ситуация меняется. В последние годы мы все более отчетливо наблюдаем неуклонную тенденцию к перераспределению веса различных стран в мировой экономике и политического влияния, что уже меняют картину мироустройства в сторону «многополярности».

Однако рассчитывать на рациональное самоограничение США и осмысленную кооперативную стратегию поведения со стороны американской политической элиты

довольно трудно. Ни один крупный американский политик не выступает в пользу самоустранения от глобального регулирования и за отказ от планов по формированию однородного в политическом смысле «демократического мира» (что автоматически обуславливает готовность к «распространению демократии» и к работе по смене режимов в самых разных странах мира). Проблема видится лишь сквозь призму поисков эффективных инструментов и релевантных идей, способных консолидировать американско- и западо-центричный миропорядок. США остаются державой с глобальными интересами и ощущением миссии.

Основные задачи по обеспечению американского лидерства сводятся правящими демократами к процветающей экономике, недостижимой военной мощи и приверженности политике распространения «универсальных ценностей». Задача США состоит в том, чтобы подвигнуть иные державы внести более весомый вклад в «глобальные публичные блага», в поддержание новых международных норм и институтов, в урегулирование конфликтов в различных регионах мира на условиях Запада.

Таким образом, США и западные страны выступили генератором международных норм и принципов даже в условиях, когда финансово-экономический кризис 2007–2010 гг. подстегнул процессы перераспределения влияния и способствовал росту потенциала ряда незападных центров силы (Китай, Индия, Бразилия, Россия). Кризис наглядно продемонстрировал неспособность узкого круга западных стран, ответственных за глобальное регулирование, осуществлять эффективное управление в мировом масштабе, справляться с глобальными вызовами. Возникла потребность в расширении круга государств, участвующих в принятии ключевых решений. Это стало побудительным фактором для возникновения новых институтов глобального регулирования (Группа 20). Однако законодателями норм и принципов мирорегулирования по инерции продолжают оставаться страны Запада.

Отсюда – очевидное противоречие сегодняшней переходной ситуации в мировой политике. «Однополярный момент» уходит в прошлое, а нормы, созданные в его недрах и способные обеспечить относительную стабильность, но крайне дестабилизирующие ситуацию в полицентричном мире (типа принципов «ограниченного суверенитета», «избирательной легитимности», практики интервенционизма и так далее.), остаются в силе и продолжают активно продвигаться группой западных государств [7].

Иными словами, когда в рамках однополярной системы международных отношений страны Запада считали необходимым ограничить традиционный вестфальский суверенитет, было понятно, что именно они и собираются воспользоваться этим ограничением, проецировать на других участников международных отношений собственное влияние, легитимировать (или, наоборот, делегитимировать) те или иные политические практики.

Государства, пытающиеся вести себя несистемно, все время находились под угрозой санкций или даже военной интервенции. И это обстоятельство дисциплинировало всех участников мировой политики и создавало ощущение контролируемости конфликтных ситуаций, равно как и понятные «правила игры». При этом по умолчанию подразумевалось, что ограничения (в том числе и суверенитета) в любом случае не будут распространяться на лидеров униполярной системы. Объектом делегитимизации собственного суверенного статуса и потенциальной жертвой интервенции все время были аутсайдеры и маргиналы, а субъектом – США и западные страны. Возможность возникновения конфликтов между крупными государствами вообще не допускалась.

Укрепление тенденции к формированию «многополярного» миропорядка меняет общую картину. Утверждение принципов ограниченного суверенитета, превентивности действий, избирательной легитимности, интервенционизма не только не дают приращения управляемости в рамках мировой политики, но и возвращают на международную арену атмосферу политической непредсказуемости и неопределенности. Действующие ныне нормы и принципы международного права (включая невмешательство во внутренние дела, неприменение силы и угрозы силой,

принципы внутреннего и внешнего суверенитета и нерушимости границ) во многом были нацелены как раз на минимизацию межгосударственных конфликтов в «многополярной» системе международных отношений.

И их игнорирование становится опасным уже в ближайшей перспективе. В формирующемся «многополярном» мире нормами и прецедентами, созданными Соединенными Штатами и странами Запада «для себя», могут воспользоваться иные быстро растущие центры силы. И вот тогда вместо иллюзии управляемости и контроля сторонники активного продвижения новых норм и принципов современной мировой политики могут получить довольно хаотичную картину международных отношений, если не полную их дестабилизацию.

В этой связи можно уверенно прогнозировать нарастание системных рисков по мере того, как новые быстро растущие державы будут предъявлять претензии на более активное участие в формировании правил игры и все яснее обозначать «красную черту» в том, что касается различных аспектов их внутренней и внешней политики. Есть надежда, что сегодняшний кризис в отношениях России и стран Запада на фоне ситуации на Украине подтолкнет если не политический истеблишмент, то экспертное сообщество в США и Европе к поиску более инклюзивных стратегий и к выработке более равноправных подходов к формированию норм и правил в современной мировой политике, причем не только относительно проблематики суверенитета. Как представляется, этому просто нет альтернативы. Во всяком случае, увлечение созданием прецедентов и стремление навязать остальному миру собственные правила игры не способно в условиях формирующейся «многополярности» создать основу для предсказуемого и управляемого развития международных процессов и чревато новыми глобальными кризисами.

#### Список литературы

1. Во имя мира, безопасности и сотрудничества : к итогам Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшегося в Хельсинки 30 июня – 1 августа 1975 г. – Москва : Политиздат, 1975. – 96 с.
2. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского : в 2 т.т. / Т. Гоббс:– Москва, 1991. – Т. 2. – С. 127, 134.
3. Гринин Л. Е. Процессы глобализации и процессы трансформации национального суверенитета / Л. Е. Гринин // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 86–97.
4. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества в соответствии с Уставом ООН, 1970 г. // ООН. Документы и материалы. – Москва, 1981. – 566 с.
5. Ильин М. В. Собрание и разделение суверенитета / М. В. Ильин // Полис. – 1993. – № 5. – С. 47.
6. Мише П. Суверенитеты в неустойчивой среде / П. Мише // Коммунист. – 1991. – № 13. – С. 83–90.
7. Соловьев Э. Г. Проблемы трансформации международных правил игры в контексте эволюции концепции суверенитета / Э. Г. Соловьев // Перспективы. – Режим доступа: [http://www.perspektivy.info/rus/gos/problemy\\_transformacii\\_mezhdunarodnyh\\_pravil\\_igry\\_v\\_kontekste\\_evologii\\_koncepcii\\_suvereniteta\\_2014-05-05.htm](http://www.perspektivy.info/rus/gos/problemy_transformacii_mezhdunarodnyh_pravil_igry_v_kontekste_evologii_koncepcii_suvereniteta_2014-05-05.htm), свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Ушаков Н. А. Суверенитет в современном международном праве / Н. А. Ушаков. – Москва : ИМО, 1963. – 271 с.
9. Carr E. The Twenty Years' Crisis 1919–1939. An Introduction to the Study of International Relations / E. Carr. – London, 1939. – Pp. 18.

#### References

1. *Vo imya mira, bezopasnosti i sotrudnichestva : k itogam Soveshchaniya po bezopasnosti i sotrudnichestvu v Evrope, sostoyavshegosya v Khelsinki 30 iyunya – 1 avgusta 1975 g.* [In the name of peace, security and cooperation: to the end of the Conference on Security and Cooperation in Europe, held in Helsinki on June 30 – August 1, 1975], Moscow, Politizdat Publ., 1975. 96 p.
2. Gobbs T. *Leviathan, ili Materiya, forma i vlast gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan, or the Matter, Form, and Power of ecclesiastical and civil], Moscow, 1991, vol. 2, pp. 127, 134.

3. Grinin L. Ye. Protsessy globalizatsii i protsessy transformatsii natsionalnogo suvereniteta [The globalization processes of globalization and transformation processes of national sovereignty]. *Vek globalizatsii* [Age of Globalization], 2008, no. 1, pp. 86–97.

4. Deklaratsiya o printsipakh mezhdunarodnogo prava, kasayushchikhsya druzhestvennykh otnosheniy i sotrudnichestva v sootvetstvii s Ustavom OON, 1970 g. [Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation, in accordance with the UN Charter, 1970]. *OON. Dokumenty i materialy* [UN. Documents and materials], Moscow, 1981. 566 p.

5. Ilin M. V. Sobiranie i razdelenie suvereniteta [Gathering and sharing sovereignty]. *Polis*, 1993, no. 5, pp. 47.

6. Mishe P. Suverenitety v neustoychivoy srede [Sovereignty in an unstable environment]. *Kommunist* [Communists], 1991, no. 13, pp. 83–90.

7. Solovev E. G. Problemy transformatsii mezhdunarodnykh pravil igry v kontekste evolyutsii kontseptsii suvereniteta [Problems of transformation of the international rules of the game in the context of the evolution of the concept of sovereignty]. *Perspektivy* [Prospects]. Available at: [http://www.perspektivy.info/rus/gos/problemy\\_transformatsii\\_mezhdunarodnykh\\_pравil\\_igry\\_v\\_kontekste\\_evolyutsii\\_koncepcii\\_suvereniteta\\_2014-05-05.htm](http://www.perspektivy.info/rus/gos/problemy_transformatsii_mezhdunarodnykh_pравil_igry_v_kontekste_evolyutsii_koncepcii_suvereniteta_2014-05-05.htm).

8. Ushakov N. A. *Suverenitet v sovremennom mezhdunarodnom prave* [Sovereignty in contemporary international law], Moscow, IMO Publ., 1963. 271 p.

9. Carr E. *The Twenty Years' Crisis 1919–1939. An Introduction to the Study of International Relations*, London, 1939, pp. 18.

### **ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА**

*Алаудинов Анты Аронович*, кандидат политических наук, доцент

Чеченский государственный педагогический институт  
364037, Российская Федерация, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Киевская, 33  
E-mail: apti054@mail.ru

Зарубежный опыт построения наций имеет принципиальное значение для отечественной теории и практики нациестроительства. Рассматриваемый пример США актуален для России потому, что построение нации в Соединенных Штатах базировалось на определенных интеллектуально-идеологических основах, отражающих философские установки либерализма, индивидуализма и прагматизма. При этом этнические и конфессиональные различия населяющих США людей, проявляющиеся в том числе на региональном уровне, в значительной степени нивелировались консенсусом на уровне более фундаментальных правил построения жизненных траекторий. Пример нациестроительства в Индии также чрезвычайно важен для России. Несмотря на существенные этнические, конфессиональные и социально-экономические различия регионов, Индия, в отличие, например, от соседнего Пакистана, сумела сохранить свою территориальную целостность, доказала свое право на существование в качестве полноценного государства, характеризующегося при этом чрезвычайным многообразием региональных идентичностей. Примеры Канады и Австралии актуальны для России потому, что именно эти две страны в середине XX в. выступили родоначальниками так называемой политики мультикультурализма. При этом, в отличие от современных европейских стран, таких как Германия, Франция, Великобритания, Канада и Австралия не склонны заявлять о провале этой политики. Наоборот, бывшие английские колонии стремятся продемонстрировать большую конкурентоспособность по сравнению с обозначенными выше европейскими государствами в проведении политики мультикультурализма. Кроме того, большинство отобранных нами стран – США, Канада, Австралия, Индия – являются федерациями. По нашему мнению, наличие федеративных государств оправдано целями и задачами данного исследования. В своем исследовании мы стремимся проанализировать зарубежный опыт в контексте российской проблематики, а Россия является федеративным государством и, представляется, будет оставаться таковым в долгосрочной перспективе.

**Ключевые слова:** идентичность, общенациональная идентичность, политическая идентичность, нациестроительство, мультикультуризм, Канада, Австралия, Индия, США